

110 лет назад в смоленских землях, среди полей и перелесков, на хуторе Загорье – в 1910 году это место называлось пустошь Столпово – на свет появился поэт: Александр Твардовский. Хочется думать, что произошло это солнечным утром. Ведь это свойство – солнечность – и станет главной характеристикой таланта нового поэта. Что роднит его с другим великим тезкой – Александром Пушкиным.

Суть таланта обоих мастеров можно выразить одним словом – солнечность. «Василий Тёркин» точно пришелся бы по сердцу Пушкину, как он пришелся по сердцу другому классику – Бунину.

Твардовский уже и сам классик.

И сегодня у нас есть прекрасная возможность услышать старшую дочь этого поэта, Валентину Александровну, доктора исторических наук, с 1959 года работавшую в Институте российской истории РАН, автора книг: «Достоевский в общественной жизни России»; «Русские и Карл Маркс: выбор или судьба?» (совместно с Б.С. Итенбергом); «Социалистическая мысль России на рубеже 1870–80-х гг.» (предисловие М.Я. Гефтера; переведена и издана в Италии и Испании); «Н.А. Морозов в русском освободительном движении»; «Идеология пореформенного самодержавия. М.Н. Катков и его издания»; «Б.П. Козьмин. Историк и его время»; «Император Александр Третий» (в кн.: Романы. Т. 2); а также более 200 статей и рецензий по проблемам общественного движения России 2-й половины XIX в.; и работ по наследию Твардовского, совместно с О.А.Твардовской: подготовка текста, комментарии, вступительные статьи к изданиям: «Дневники 1941–1945 гг.» (1 и 2-е изд.); «Дневник 1950–1959 гг.»; «Дневник 1960-х гг.» Т. 1-2; «А.Твардовский в жизни и в литературе. Письма 1950-х гг.»; «А.Т. и М.И. Твардовские в переписке с А.К. Тарасенковым. (1932–1936)»; а также более 30 документальных публикаций и статей об А.Т. Твардовском.

Олег Ермаков. *Валентина Александровна, рад, что вы согласились ответить на наши вопросы и выкроили время. Ведь ваша работа над наследием отца никогда не прекращается?*

Валентина Твардовская. Продолжаю готовить к печати дневники отца, которые мы с сестрой Ольгой в основном опубликовали. Нами изданы дневники А. Твардовского военных лет (1941–1945), 1950-х и 1960-х годов. Сейчас сижу над дневниками 1930-х годов. Без сестры стало намного сложнее и жить, и работать. Дело двигается медленно и трудно еще и из-за всяких моих хворей. Но сознание важности этого труда, который ныне кроме меня никем не может быть сделан, твердо заставляет его продолжать.

1930-е годы – чрезвычайно интересный и значительный период жизни А.Т., многое способный объяснить и в его характере, взглядах, действиях последующих лет. Но комментарии здесь требуются довольно обширные: ведь многие события и имена, упоминаемые А.Т., как всем известные и понятные, давно забыты. В своих записях поэт, по сути, выступает своеобразным хроникером 1930-х, позволяющим при «расшифровке» воссоздать в определенной степени общественную жизнь и саму

духовную атмосферу этого неповторимого времени – столь же прекрасного, сколь сурового и жестокого.

О.Е. Вы как будто большой дом строите. У меня есть ваш и Ольги Александровны подарок: три тома дневников Твардовского¹. Давно жду, как и остальные почитатели таланта поэта, четвертую книгу. В дневниках трепещет живое время. География и события захватывающие. Калейдоскоп знаменитых деятелей литературы, науки, политики, пейзажные зарисовки, размышления и стихи, которые нигде больше не публиковались. Интересные, острые наброски к «Тёркину на том свете», лирические стихи, стихи о деде Гордее. Но даже и чужие стихи. В одной записи приводится отклик читателя из Киева на поэму «За далью даль» – большое острокритическое по отношению к Твардовскому стихотворение, который, мол, гоняется за «далями», а на Смоленщине невеста что творится. И Твардовский заключает: «Отличное письмо...» Взгляд честный и открытый. Но в тридцатые годы «критика» была другая. Отражены ли в них известные драматические события, когда поэт был на полшага от сталинских застенков и, может быть, гибели? Или там еще нет этой полной откровенности?

В.Т. Критика, будучи разной в разные периоды жизни А.Т. Твардовского, одинаково и неизменно зависела – как и вся литература, от идейно-политических установок партии. А.Т. горячо верил в коллективизацию, но видел, что «революция сверху» для значительной части крестьянства оказалась насильственной и жестокой. При всем доверии к политике партии и вождю, приверженность поэта к жизненной правде, его честность мешали писать «как надо». Вот в стихотворении «Четыре тонны» А.Т. описывает изъятие у кулака «излишков», вроде бы не сомневаясь в правомерности этого. Но акция комсомольской бригады, происходящая при безнадежном сопротивлении семьи кулака, под отчаянные вопли его жены и «мучительно-тонкий плач ребенка», оказывается и для него – свидетеля – мучительной. Запечатленная в стихах, она оставляла мрачное впечатление несправедливой расправы. Да и такие стихи А.Т., как «Гостеприимство», «Пчелы», «Гость» не вписывались в общий поток литературы о деревне периода коллективизации и «ликвидации кулачества как класса». Поэт неотвратимо навлекал на себя обвинения в «кулацких тенденциях». А после высылки весной 1931 года его родительской семьи как кулаков, поэзия А.Т. в смоленской печати прямо определялась как кулацкая, а сам он как «кулацкий подголосок». Даже друзья, ценившие его талант, не одобряли его «абстрактного гуманизма» и советовали более четко определить свою классовую позицию. А.К. Тарасенков – московский критик, защищавший его от критических «загибов по-смоленски», призывал усилить мотив ненависти к кулакам. В отклике на выход из печати «Страны Муравии» критик А.В. Македонов, друг А.Т., отдавая должное его таланту и знанию жизни, «существенным недостатком» поэмы посчитал отсутствие в ней высокого пафоса изображения классовой борьбы, ее напряженности. А.Т. все же шел своим путем. Как ни парадоксально: и критика друзей, и нападки недоброжелателей по-своему укрепляли его на собственной позиции. На обсуждении рукописи «Муравии» в Союзе писателей большинство участников советовало ему завершить поэму вступлением ее героя в колхоз. А.Т. до этого неоднократно переделывал концовку поэмы, но в итоге так и не привел Никиту Моргунка в колхоз. Поэма завершилась тем, что в конце своего пути герой понимает: выбора у него просто нет...

¹ Александр Твардовский. Дневник. 1950–1959. – М.: ПРОЗАИК, 2013; Новомирский дневник. В 2 т. Т. 1: 1961–1966. – М.: ПРОЗАИК, 2009; Новомирский дневник. В 2 т. Т. 2: 1967–1970. – М.: ПРОЗАИК, 2009.

О.Е. *И от этой обреченности сердце читателя сжимается. Но современный читатель, далекий от реалий того времени, вряд ли поймет, что даже на такой открытый финал поэмы тогда требовалось мужество. И все-таки автору достало сил отбиться от критиков тех лет. А дальше было хуже?*

В.Т. Если в 1930-е годы еще удавалось ответить на необоснованную критику, показав ее бездоказательность, опровергнув явные нелепости, то в послевоенное время это стало почти невозможным. В 1948 году в «Комсомольской правде» грубому разгрому подверглась книга очерков А.Т. «Родина и чужбина», печатавшаяся в «Знамени». Стоит напомнить об этом выступлении уже почти забытого критика Б. Рюрикова, поскольку оно – факт творческой биографии поэта. А.Т. обвинялся в «местном патриотизме» за любовь к «малой родине». Этот термин, которым ныне широко пользуются, поэт и ввел в литературу. «Малый мир» поэта, по словам критика, заслонил от него большой мир борьбы и творчества. Рюриков утверждал, что в поле зрения А.Т. «не попадает подлинный герой – солдат и офицер» – он занят людьми мелкими, с узкими интересами. Критик отмечает «недопустимый тон» рассказа А.Т. о восстановлении Смоленска: самими его жителями – своим трудом, своими руками, без нужных материалов и орудий труда. Не годяся, Рюриков не уличает А.Т. в неправде, он его укоряет в забывчивости: «советскому писателю не к лицу забывать об огромной помощи государства населению». Никто не решился ответить критику-сотруднику ЦК партии. Обсуждение книги А.Т. в Союзе писателей поддержало его выступление. «Родине и чужбине» на много лет был закрыт доступ в печать. Помню, как тяжело и трудно воспринял отец этот удар – очерки, написанные на путях войны и победы, были ему по-особому дороги. Но он уже осознавал судьбу «Родины и чужбины» как неизбежную часть своей собственной и встретил с мужеством и терпением.

О.Е. *Рюриков? Вот и еще одна фамилия-призрак. При чтении дневников Твардовского и книги Лакшина, составленной из дневниковых записей «Новый мир во времена Хрущёва» то и дело наталкиваешься на этих людей: Пospelов, Румянцев, Поликарпов, раздражаясь досадливым звоном этой мошкеры. А тогда-то это были величины! Секретари первые-вторые и просто секретари ЦК КПСС, МГК КПСС, завыв отделов пропаганды и всевозможные писательские начальники. Кто они такие? Кто их помнит? А как в свое время пыжились, гудели. И сколько крови попортили не только Твардовскому, но и его соратникам по «Новому миру».*

В.Т. Это отдельная тема – критика «Нового мира» – главным редактором которого А.Т. был в 1951–1954 и 1958–1970-е годы. Журнал А.Т., собравший лучшие литературные силы, последовательно демократический, самый востребованный, обличали в «очернительстве» советской действительности и клевете на нее. Все годы его сопровождали цензурные запреты готовящихся к печати произведений. Военная, деревенская, мемуарная и иная проза «Нового мира» Твардовского составили золотой фонд советской литературы и ныне продолжают переиздаваться, в отличие от другой, весьма обширной ее части, оставшейся в прошлом. Как дорого «Новому миру» и его авторам обошлось это его наследие, запечатлено в дневниках его редактора 1950–1960-х годов.

Хочу и ответить на ваш вопрос об откровенности дневников.

Мне кажется, искренность это то, что нельзя не почувствовать, ее трудно имитировать. Дневник А.Т. завел для себя, задаваясь задачей «создания запаса наблюдений, жизненного материала» – для будущей работы. Но дневниковые записи были и своего рода отчетами перед самим собой об итогах прошедших дней – о том, какие дела вы-

полнены, о задуманных и написанных стихах, прочитанных книгах, людях, с которыми пересекался, и, разумеется, – о делах общественно-политических. Вот, например, запись, напомнившая о себе в наши дни – на рубеже июня-июля 2020 года «Опубликован проект конституции, вынесенный на общенародное (подчеркнуто А.Т.) обсуждение. Уже давно некоторые постановления, съезды, совещания, празднества и т.п. государственные события являются большим внутренним переживанием для меня. И всякий раз вместе с ощущением глубокой, волнующей до слез, радости, охватывает томительное ощущение какого-то своего общего отставания. Последнее время несколько реже» (18.VI.36).

Общественно-политические взгляды А.Т., оставаясь в главном постоянными, на протяжении жизни изменялись, и это отмечено в литературе о нем. Но определенные перемены происходил, судя по дневникам, и в его внутреннем мире, в его характере. Это духовное «самоизменение» я бы бесстрашно назвала толстовским словом «самосовершенствование». А.Т. в дневнике осуществлял суровый анализ того, что в его поведении, в отношениях с окружающими «вольно или невольно было, вышло не то, не так». Этот привычный контрольный смотр «мира внутреннего и окольного» поэт считал не бездейственным, «приобщая к опыту опыт». Подтверждением искренности А.Т. служит беспощадность к своим слабостям, ошибкам, просчетам, о которых он пишет с предельной прямоотой в дневнике. Мы с сестрой публиковали эти записи без сокращения. Кому-то это покажется неправильным – невыгодным для памяти поэта, в ущерб ей. Мы посчитали, что именно такая нетронутая полнота и цельность дневникового текста, без изъятий, по-своему убедит в честности и искренности большой души нашего отца, стремившейся к лучшему. Я и сейчас в этом не сомневаюсь.

О.Е. *«Новый мир» тех лет напоминал осажденную крепость или корабль, атакуемый со всех сторон. Лакшин, построивший свою книгу как дневник, дает содержание номеров журнала. Например, номер за июль 1964 года: Ю. Домбровский. Хранитель древностей; Вера Панова. Из американских встреч; стихи Евг. Евтушенко и Д. Самойлова; рецензии О. Михайлова, А. Туркова, Б. Сарнова, Ю. Буртина... Журнал был известен за рубежом. Можно сказать, весь мир наблюдал за этой борьбой. А вы, Валентина Александровна, бывали в «Новом мире» тех лет? Можете что-то вспомнить о сотрудниках? Лакшин иногда в своей книге упоминает вас.*

В.Т. В редакцию НМ я приходила не часто – как правило, по делу. Общалась с отцом в основном дома. Поговорить в редакции удавалось лишь бегло, урывками: его все время отвлекали и сотрудники и посетители. Во время первого пребывания А.Т. на посту главного редактора НМ (1951–1954) редакция помещалась в старинном («грибодовском») особняке на углу Пушкинской площади (д. 5). Вход был с Дмитровки (тогда ул. Чехова), по высокой деревянной лестнице (я легко представляла ее в прошлом парадной: мраморной, крытой ковром). Именно здесь, в 1951 году, начинался журнальный путь А.Т. Сюда в 1952 год принес В. Овечкин свой очерк «Районные будни», который нигде не мог напечатать. Опубликованный в НМ, он стал для А.Т. точкой отсчета линии НМ, направленной на вторжение в жизнь, на внимание к ее актуальным проблемам. Но его «первый заход» в НМ оказался недолгим и закончился, когда журнал только стал обретать свое лицо. Особое внимание и читателей, и властей привлек критический отдел НМ с его острыми, яркими статьями М. Лифшица, М. Щеглова, В. Померанцева, Ф. Абрамова и др. Они отстаивали правду в литературе о реальной жизни – без умолчаний и приукрашивания, обращали внимание не только на идейное содержание, но

и на уровень художественного мастерства. С этих позиций критиковали произведения, получившие высокую оценку в советской печати (С. Бабаевского, А. Корнейчука, М. Шагинян, Л. Леонова и др.). Новомирская критика пришла в противоречие с официальной. В июле 1954 года А.Т. по решению ЦК партии был снят с поста главного редактора НМ «за идейно ошибочную линию» журнала и поэму «Тёркин на том свете», определенную как «пасквиль» на советскую действительность. Вновь он возглавил НМ в 1958 году, вернувшись в то же здание.

Именно сюда была принесена Л. Копелевым рукопись Солженицына об Иване Денисовиче и оставлена в отделе прозы. По свидетельству Александра Исаевича, решила ее судьбу старший редактор отдела – Анна Самойловна Берзер. Опасаясь, что соратники А.Т. из-за своей трусости скроют от него повесть Солженицына («зажмут, заглнут»), она, прибегнув к обману, утаила ее от редколлегии и, «прорвавшись» к редактору, передала ему. «Не видать бы Ивану Денисовичу света, – уверяет Солженицын, – если бы Ася Берзер “не пробилась” к Твардовскому. Вряд ли надо говорить, что с трусливыми, способными обмануть, сотрудниками делать в условиях жестокой цензуры передовой журнал невозможно. Но стоит заметить, что и «пробиваться» к редактору не было надобности: в здании на Пушкинской пл. у А.Т. не было отдельного кабинета. В самой большой комнате (по-видимому, бывшей бальным залом) стояли столы членов редколлегии, а в углу у окна был свой стол у А.Т., за которым и я обычно с ним общалась, приходя в НМ. Могу свидетельствовать, что посетители редакции свободно проходили к нему. А у сотрудников НМ было неоспоримое право обращаться к редактору в любое время. А.Т. рассказывал позднее, что А. Берзер принесла ему сразу два произведения – Л.К. Чуковской (повесть «Софья Петровна», которую хвалила) и Солженицына (под псевдонимом А. Рязанский). Об этой последней сказала несколько невнятных слов. Редактор взял обе вещи и, прочитав их, отклонил повесть Л. Чуковской. (Я видела ее гневное письмо А.Т., обвинявшее его в трусости). О том, как редактор НМ тщательно и продуманно готовил к печати «Ивана Денисовича», сколько времени и сил положил на это, отражено в дневнике А.Т. Появление повести в НМ стало поистине «прорывом» в советской литературе и в действительности. Прорыв этот дорого обошелся и А.Т., и новомирцам, во многом определив дальнейшие трудности пути журнала. А легенда о решающей роли Аси Берзер, пущенная в мемуарах Солженицына «Бодался телёнок с дубом», обрела прочную жизнь, будучи подхвачена рядом авторов и закреплена в его биографии, написанной Л. Сараскиной при его участии. Вот как представлена в ней, дважды изданной в серии ЖЗЛ, публикация повести «Ивана Денисовича» в НМ. Познакомившись с ее рукописью, «легендарная», как ее с тех пор называют, Ася Берзер «ощутила, что сейчас решается судьба новой русской литературы и судьба неизвестного писателя, и обе судьбы она в силах изменить. От того, насколько она будет бесстрашна в своей правоте, а также осмотрительна, последовательна, зависит, быть может, ход истории... Эта миссия выпускнице МИФЛИ удалась абсолютно». Это не пародия – это написано всерьез под контролем Александра Исаевича (Сараскина Л. Александр Солженицын. – М.: Молодая гвардия, 2008. С. 484).

О.Е. Несомненно, что без Твардовского читатели нашей страны долго еще не знали бы об Иване Денисовиче. И рядовой, так сказать, читатель прочно связывает имя этого героя с именем поэта. Про Берзер немногие и слышали...

В.Т. В 1964 году редакция НМ перебралась с Пушкинской пл. в Путинковский переулок (д. 1/5), где ей отвели помещение в одном из корпусов бывшего Страстного мо-

настыря. Ныне неподалеку, в начале Страстного бульвара, стоит памятник А.Т. Новое помещение редакции НМ было намного просторнее и, казалось бы, удобнее для работы. Но сотрудники грустили о покинутом особняке, где, как уверяли, им работалось легче. Помню, как Софья Григорьевна Караганова (бессменно – и при К. Симонове и при А.Т. – заведовавшая отделом поэзии), говорила, что все напасти навалились на НМ именно на этом новом месте. Но, конечно, все понимали, что усиление нападков на НМ, усложнение условий его существования были связаны с изменением обстановки в стране – «оттепель» отступала под натиском похолодания. Журнал А.Т. уже завоевал признание читателей, число подписчиков ежегодно росло. Авторский актив расширился. Теперь в помещении редакции, расположенном на разных этажах, всегда были люди. Приходя в НМ, я ощущала здесь особую атмосферу поглощенности интересами литературы, взыскательной любви к ней. Приметы особенной обстановки в новомирской редакции я узнаю в воспоминаниях о НМ таких его разных авторов, как Ф. Абрамов, Г. Бакланов, К. Ваншенкин, К. Воробьёв, К. Симонов, З. Паперный, С. Залыгин, В. Каверин, М. Алигер, В. Быков, генерал А.В. Горбатов. Они рассказывают, как редакция НМ становилась все более притягательным местом общения единомышленников в литературе и политике. В редакцию приходили не только авторы, но и мечтавшие напечататься в журнале А.Т. Появиться на его страницах было своего рода знаком качества. Постоянные авторы НМ приводили своих друзей – и в кабинетах, и в коридорах было оживленно: москвичи встречались с авторами, приезжавшими из республик и других городов. Частыми гостями здесь были такие авторы НМ, как Кайсын Кулиев, Петрусь Бровка, Андрей Малышко, Расул Гамзатов, Мустай Карим. В. Некрасов, по приезду из Киева, незамедлительно посещал НМ. В. Овечкин, ставший членом редколлегии в 1959 году, бывая в Москве, проводил здесь большую часть времени. Мелькал сновавший по этажам Солженицын, в своей непрерывной суете и спешке бегло отвечавший на приветствия, убегая от вопросов. В НМ он не печатался с 1963 года. Заключив договора на романы «Раковый корпус» и «В круге первом» и взяв авансы, он не интересовался продвижением своих сочинений в печать. Александр Исаевич сделал ставку на появление их в западных изданиях и самиздате. Но к НМ интереса не терял: назначал в редакции свои деловые встречи, свидания с будущей женой Натальей Дмитриевной, вел переговоры с незнакомыми новомирцам личностями. Находившийся в прямом конфликте с властью, Солженицын чувствовал себя под крышей НМ в относительной безопасности. А журналу, состоявшему под неусыпным наблюдением, его частые набеги осложняли положение: в глазах властей НМ оказывался соучастником разнообразных акций Солженицына, о которых он А.Т., даже не предупреждал.

Появился Александр Исаевич и в последние дни пребывания А.Т. в НМ, когда редактор подал заявление об уходе из журнала в знак протеста против изменения состава редколлегии. Из нее вывели основных соратников А.Т. и ввели людей ему чуждых. Солженицын рассказывает в «Телёнке...», как уговаривал А.Т. остаться, продержаться еще хотя бы год-два. При этом цинично замечает, что думал при этом: «Давно тебе надо было бы уйти». Обличавший НМ в компромиссах, он призывал его, по сути, к предательству изгнанных из журнала его товарищей.

Все последние новомирские дни я старалась быть рядом с отцом. Помню, как приехали с ним поздно вечером в НМ: он забирал из своего кабинета какие-то оставшиеся материалы и книги, подаренные ему авторами. Кто-то еще вроде бы оставался в редакции: где-то горел свет. Но было острое ощущение пустоты, холода, безлюдности, столь

необычное для этого помещения. А.Т. был удивительно спокоен. Наверно, так может быть спокоен человек, принявший свое окончательное решение. Не разговаривая, он деловито и неспешно прибрался на письменном столе, огляделся: не забыл ли чего. И так же молча мы покинули это здание, где прошли многие годы его работы, такой дорогой ему и нужной, насыщенной радостями и горестями, удачами и бедами...

О.Е. *Солженицын много лишнего наговорил о Твардовском. Но потом ведь покаялся и постарался воздать ему должное. Вы думаете, сейчас Твардовский не подал бы ему руки?*

В.Т. На мой взгляд, «лишнее» в мемуарах Солженицына. Это ложь о себе, об А.Т., о НМ, и ее действительно много. Из его воспоминаний видно, что ложь ему, призывавшему «жить не по лжи», сопутствовала постоянно. А в книге, написанной для западного, неосведомленного читателя, он применял ложь совсем беззастенчиво: уверен был, что и на родине, где эта книга будет труднодоступной, никто не станет уличать в неправде изгнанника, находившегося тогда в ореоле славы борца за правду. Я оказалась едва ли не первой, откликнувшейся на его «Телёнка...» Мое «Открытое письмо А. Солженицыну» было напечатано в июне 1975 года в газете компартии Италии «Унита». Оно не являлось обстоятельным разбором его лжи по всем пунктам. Это сделал В. Лакшин, напечатавший свой ответ на «Телёнка...» в 1977 году в альманахе «XX век и мир». Я в своем отклике остановилась на одной теме: рассматривала Солженицына как антипода А.Т., а смесь лжи и непонимания в характеристике редактора НМ – как следствие бессилия Александра Исаевича в честном споре с ним о главном. На помощь себе я призвала А.Т., используя его дневниковые записи, которые местами цитировала без кавычек. В последнем, 13-м выпуске Чтений А.Т. мое письмо перепечатал составитель и редактор издания П.И. Привалов¹. Я согласилась, что будет не лишним кое о чем напомнить, в виду все разрастающихся споров о Солженицыне в интернете.

Ныне я знаю о нем много больше, чем когда впервые откликнулась на его «Теленка...» и могу подтвердить свое, уже вполне устоявшееся убеждение, что А.И. Солженицын – антипод А.Т. – по отношению к жизни и литературе, по мировоззрению и политическим взглядам, по нравственным понятиям и чертам характера. Это проявилось не только в его оценках НМ и его редактора (о чем я писала), но и, по-своему, – в восприятии Солженицыным поэзии А.Т.

Александр Исаевич сам писал стихи и не бросил это занятие, несмотря на советы опытных поэтов (А.Т., А. Ахматовой). Стихи он не только продолжал сочинять, но и стал печатать, когда ни А.Т., ни Ахматовой в живых уже не было. Такая настойчивость, казалось бы, свидетельствовала о любви к поэзии, но это чувство, видно было, обращено у него только к собственным стихам. Нигде он не называет любимых поэтов (как, впрочем, и прозаиков). Никогда в разговоре не цитировал стихов, а когда это делал А.Т., Александр Исаевич не мог определить автора: русскую классическую поэзию он почти не знал. Всегда ощущалась его малая начитанность. Когда в 90-е годы стали появляться его этюды о классиках под названием («Перечитывая...»), то нельзя было не почувствовать, что, к примеру, «окунаясь в Чехова», Солженицын читает его впервые. Любил ли он литературу, решив стать писателем? Притяжение какое-то к ней явно было, но сильнее увлекала политика, причастность к проблемам которой часто определяла

¹ Твардовские чтения. Книга 13: «Я иду и радуюсь. Легко мне» / Отв. ред. П.И. Привалов. – Смоленск: Маджента, 2019. – 344 с.

его интерес к литературному произведению и его, априорную оценку. Б.Л. Пастернак, далекий от жизни деревни, от проблем коллективизации, высоко оценил «Страну Муравью», отметив талант и мастерство ее молодого смоленского автора. Александр Исаевич вспоминает, что А.Т., времен «Страны Муравии», он не выделял из общего ряда поэтов, «обслуживающих курильницы лжи». Разумеется, ни единой конкретной строки А.Т., подтвердившей бы ложь поэта, которую он курил в «Муравии», Солженицын не приводит. Пронизанный ненавистью к советскому строю, Александр Исаевич выработал свои стереотипы оценок литературы, определявшиеся не художественным мастерством и талантом автора, а прежде всего его политической позицией. «Муравия», получившая Сталинскую премию, автоматически попадала в разряд лживой, обслуживающей власть литературы. А ведь герой поэмы перед вождем ставил такие вопросы о коллективизации, требуя ответа, что в ту пору и в литературе, и в жизни еще никто не осмелился сделать: «Товарищ Сталин, дай ответ//Чтоб люди зря не спорили/Конец предвидится, ай нет//Всей этой суетории//И жизнь на слом// И все на слом//Под корень, подчистую/А что к хорошему идем//Ведь я не протестую...» В этом монологе – и тревоги, и страхи, и сомнения и надежда, нет только «обслуживающей лжи», приписанной поэме заочно Солженицыным. Характерный прием Александра Исаевича – наделить критикуемого тем, чего у него нет – для подкрепления своих оценок, в уверенности, что проверки не будет.

Единственная поэма А.Т., которую похвалил Солженицын, – «Василий Тёркин», но похвалил он ее по-своему. Назвав удачей автора, охарактеризовал, как вещь «вневременную, мужественную, неогрязненную». Не упоминая о мастерстве и таланте, Александр Исаевич объясняет удачу А.Т. «редким личным чувством меры». В его изложении получается, что поэт как будто все время балансировал между правдой и ложью. Не имея свободы сказать полную правду о войне, А.Т., по словам Солженицына, «останавливался перед всякой ложью на последнем миллиметре, нигде этого миллиметра не переходил». Непонятно, как ему удалось проследить и вычислить эту границу между правдой и ложью в поэме: он не подкрепляет свое наблюдение хоть каким-то примером столь близкого, миллиметрового приближения поэта к лжи. Многие отмечали в «Тёркине» как раз особую свободу разговора автора с читателем, правдивость, которую ценили особенно. А.Т. первым из поэтов рассказал об отступлении Красной Армии в сентябре 1942 года, когда оно еще продолжалось: «Шли худые, шли босые//В незнакомые края//Что там, где она, Россия//По какой рубеж своя»? Это была правда, которая до «Тёркина» еще так открыто и прямо в литературе не прозвучала. Солженицын вряд ли мог судить о полноте правды о войне в своей звукоразведке, располагавшейся за десятки километров от фронта. Он, представившийся А.Т. боевым, написал о войне (на которой с 1943 года), только мерзкую пьесу «Пир победителей», где с симпатией изобразил лишь связанных с армией Власова персонажей. А завоевавших Победу представил не сознающими ее значения, тупыми, ленивыми существами. Когда был изъят его Архив, где находился текст «Пира победителей», Александр Исаевич, испугавшись ареста, отрекся от пьесы, объясняя, что написана она в тяжелом состоянии духа в заключении. Но возвратившись на родину, сразу же отдал ее Малому театру. Спектакль не продержался и года. Его не пришлось снимать с репертуара: очень скоро зрители перестали посещать его. Такова оказалась судьба вклада писателя-фронтовика в литературу об Отечественной войне.

О.Е. *Не могу с вами согласиться. Пребывание на фронте даже в качестве повара было и опасным, и нужным. Позвольте сослаться на опыт Афганской войны, хотя эти*

войны и несопоставимы по масштабу и характеру ведения боевых действий, но тем не менее. Узбек-повар из нашего ардивизиона погиб в последний выезд на боевую операцию перед демобилизацией. Машина с ним подорвалась через десять минут после выезда за контрольно-пропускной пункт. Не думаю, что служба в батарее звуковой разведки была легка и безопасна. Известно, что Солженицын имел боевые награды за эту службу.

В.Т. Тем не менее, я продолжу. Знакомство с военной поэзией закончилось у Солженицына на «Тёркине». «Дом у дороги» он не читал, а среди военных стихов А.Т. не обнаружил примечательных. Вниманию его не остановилось и на таких, как «Я убит подо Ржевом», «В тот день, когда окончилась война», «Из записной потёртой книжки» из названного им двухтомника А.Т. (1954). Для автора «Ивана Денисовича», которого он писал в ссылке в 1951 году, это равнодушие необъяснимо. Ведь А.Т. почувствовал у него не только талант, но и душу, уязвимую чужим страданием, способную к сопереживанию, сочувствию чужой боли. Признаком, в моем восприятии эта маленькая повесть (название которой «Один день Ивана Денисовича» дал А.Т.), как-то выпадает из всего творческого наследия Солженицына, в своем обособлении даже чем-то противореча ему. Нет у него больше такого героя – в его романах действуют совсем иные персонажи, люди не простые. Редактор-поэт даже улавливал в самом повествовании музыкальный ритм. Доказывая мне это, отец даже прочитал вслух пару первых страниц. А читал он замечательно! Ничего подобного о других сочинениях Солженицына он не говорил. «Матрёнин двор» оценивал уже, как «вещь пожиже». «В круге первом» намечал съемные главы (о Сталине), чисто публицистические, антихудожественные, по его словам. Но дело, как известно, до подготовки романа к печати не дошло. У меня не вызывает сочувствия главный его персонаж, готовый сообщить секрет нового военного оружия за рубеж, но своевременно арестованный. Он предстает в романе как жертва тоталитарного режима. Но ведь за такие поступки (точнее, преступления) в любом государстве, в любые времена, арест и наказание были неизбежны. Не случайно, Александр Исаевич не решился отдать в НМ эту версию романа, опубликованную в период перестройки (тогда все было можно!), понимая, что А.Т. сразу бы отверг его. Он передал в НМ роман с иным сюжетом: герой не секрет военный выдает, а предупреждает старого друга и учителя о предстоящем аресте.

Как видно, отношение к поэзии А.Т. военных лет заставляет задуматься о некоторых особенностях творчества Солженицына. Он не скрывает, что всегда отдавал предпочтение самиздату перед легальной советской литературой, отсюда ее плохое знание. «Тёркина на том свете» прочитал в 1956 году в рукописном списке, но о своем впечатлении в мемуарах не рассказал. А когда эта поэма в 1963 году, была опубликована, она оказалась ему уже неинтересна, как запоздалая (опоздавшая). Письма читателей и писателей А.Т. говорят о другом. Помню письмо А. Яшина, который, поздравляя А.Т. и ликующая, задавался вопросом: «Как это стало возможным?» В «Далях» Александра Исаевича заинтересовала лишь одна глава «Так это было» – остальные он не читал, а ее воспринял как слишком мягкую, «бесконтурную» в изображении сталинских лет. А.Т. первым в поэзии предпринял художественное исследование сталинских лет и личности вождя. Поэт не пользовался одной краской, а попытался отразить противоречия сталинской эпохи, ныне кажущиеся несовместимыми, показать неоднозначность сталинской политики. Он напоминает, что само имя Сталин, уже как бы отделившись от личности, превратилось в «имя-знамя», стало символом побед и достижений, звучало «со словом Родина в ряду».

Все это вызвало резкое неприятие у Солженицына. Недопустимым он полагал отмечать правоту Сталина «о бок с неправотой». Ему присущи были однобокие, прямолинейные оценки, иные он считал признаком колебаний, ухода от определенности к двойственности. Уличая А.Т. в приверженности к сталинизму, он цитирует, как суждение поэта: «ему (Сталину) мы обязаны победой». Но А.Т. говорит о Сталине иначе: «И мы ему обязаны победой//Как ею он обязан нам». Утверждение, что Сталин обязан народу, для советской литературы новое, Александр Исаевич вряд ли не заметил. Но усечение цитат в нужном направлении было у него одним из видов привычного обмана, считавшегося правомерным для утверждения его правды.

Поэму «По праву памяти» Солженицын оценил негативно, в своем ключе: «мало, слабо, робко». По его словам, «получилась личная семейная реабилитация». Не без издевки он иронизировал над А.Т.: «Бедняге, ему искренне казалось, что он прорывает пелену недодуманного...» Не следивший за легальной литературой, Солженицын не знал, что в редакцию журнала «Знамя», где поэма печаталась, шел поток писем с благодарностью поэту. Подборку их малой части редакция опубликовала – среди них несколько отрицательных отзывов. Противники поэмы бранили автора за искажение действительности и клевету на советский строй. А вот в основной массе отзывов главный мотив был в поддержку права памяти о пережитом, необходимости «приобщения к опыту».

Закончу отзывом на «Телёнка» Петра Григоренко. Он считал, что А.Т. изображен Солженицыным неверно. По словам видного правозащитника, Твардовский – «один-единственный в литературе. Ничья роль не может сравниться с его ролью... Он стремился не только себя выразить, как это делает большинство даже наших больших писателей, сколько время наше всеми силами прогрессивных писателей». Это осталось непостижимым для Солженицына, сосредоточенного только на своих конспиративных делах.

О.Е. Солженицына, кажется, кто-то уже сравнивал с Аввакумом. Можно, наверное, так сказать, что он более Аввакум, чем писатель и тем паче поэт. Но несомненно, что без него уже нельзя представить нашу историю. И современность. Так же, как и без Твардовского и прежде всего Твардовского-поэта. Оба сыграли свою роль в лечении общества от вируса культа личности. И сейчас эта тема снова актуальна. Зловещий силуэт властного горца как будто снова замаячил среди башен Кремля. Об этом много пишут и говорят. В своей книге о Твардовском Андрей Турков говорит о том, что Сталин «был великим ловцом человеков» – и не только в негативном смысле, но и в позитивном. Интересно услышать ваше мнение, мнение историка, дочери Твардовского и просто человека, жившего в те времена: была ли эта всенародная любовь к вождю? С чем она связана? Не проявляется ли здесь с яркой силой приписываемое русскому народу царелюбие?

В.Т. Имя вождя было знакомо мне уже в самые первые сознательные годы моего смоленского детства. Оно упоминалось в разговорах родителей, звучало по радио, которое в нашей коммуналке на ул. Марсея Кашена почти не выключалось. Песням о Сталине, доносившимся из него, кто-то, бывало, и подпевал на общей кухне. В Москве, где я оказалась в 1937 году, тоже в коммуналке, я уже и сама подпевала этим песням, выделяя среди них ту, что написал папин друг – дядя Миша, Михаил Васильевич Исаковский, ко мне всегда добрый и ласковый. Я наизусть знала только припев этой длинной песни: «Споём же, товарищи песню о самом большом человеке //О самом родном и любимом //О Сталине песню споем». Не помню, чтобы родители беседовали со мной о Сталине. Мое представление о вожде складывалось под воздействием всей окружающей среды. Когда стала ходить в детский сад, то еще узнала, что Сталин любит детей, и своим счастливым детством мы обязаны Сталину.

Этот день 1 февраля 1939 года, который я сейчас датирую по печати, запомнился мне предельно ясно. Отец пришел за мной в детский сад (это была его обязанность: и забирать меня из садика, и отвозить туда), без обычной улыбки. Я бы определила выражение его лица, которое отпечаталось в памяти, как строго-торжественное. Отчетливо помню и его слова: «Поцелуй, дочка, папу. Сталин дал мне орден».

Еще днем руководительница всем объявила, что папа Вали Твардовской получил орден Ленина. На ребят это произвело большое впечатление, но я сама плохо понимала важность произошедшего события. Сознание его значимости пришло позже, когда я увидела, как воспринимают его родители.

Для А.Т. эта награда означала поворотный пункт в его биографии. Статус поэта-орденоносца не только прекращал травлю его в смоленской печати, но, по сути, спасал от угрозы ареста. С конца 1937, на протяжении 1938 года на следствии по делу А. Македонова члены Смоленской писательской организации давали самые серьезные показания о связях А.Т. с «врагами народа», о кулацких тенденциях в «Стране Муравии». Орден за «Муравию» оградил поэта от этих обвинений. Красная коробочка от ордена, с золотым тиснением: «А.Т. Твардовский» у меня сохранилась, как память о начале нового этапа его жизни.

Как мне теперь представляется, любовь и уважение к вождю для А.Т. обрели и отенок личной благодарности: он был обязан Сталину благополучным разрешением своих трудных проблем, связанных, в частности, с положением «сына кулака». Тем более странно, что это не отразилось в его поэзии, где отношение к вождю осталось для того времени весьма сдержанным.

Начиная работу над «Муравией», поэт полагал вывести в ней Сталина. Задумывалась глава о съезде колхозников, где вождь произносит речь. Планировалась и глава, где Сталин, объезжая на белом коне колхозы, оказывается гостем на деревенской свадьбе. Этот замысел претерпел несколько попыток воплощения с последующими авторскими ремарками: «Слишком сусально», «Никак не годится», «До чего же дрянно». А.Т. с начала 1930-х годов объездил селькором всю Западную область (куда кроме Смоленщины до 1935 года входили части Брянской и Тверской), месяцами жил в колхозе «Память Ленина» в Рибшеве, который выделил для своих наблюдений. Он слишком хорошо знал деревенскую жизнь, чтобы не допустить малейшей фальши в ее изображении. Да и природные вкус и чутье этому препятствовали. Мысль представить Сталина в общении с колхозниками легко отпала и даже задуманная встреча вождя с Моргунком была отменена. Герой поэмы лишь мечтает о ней, заготовляя свои вопросы, на которые может ответить только Сталин. Нет вождя и в «сельской хронике» поэта – его стихах о колхозной деревне на рубеже, 1930–1940-х годов, где наряду с ожиданием успехов в колхозном строительстве слышатся ноты неопределенной грусти и какой-то недосказанности (пример – «Поездка в Загорье», 1939).

Не писал А.Т. стихов о Сталине и на войне с Финляндией, где вступил в партию. Впечатления тогда были очень тяжелые (судя по более поздним его рассказам), и появление на их фоне вождя явно неуместным. Но и в годы Отечественной войны у А.Т. оказалось только одно произведение, где действовал Сталин – «Баллада о Москве», написанная в феврале 1942 года. Из авторского пояснения следовало, что в основе его – записанная от крестьян Курской области легенда о победе под Москвой. Баллада о том, как Сталин в решающий момент обороны Москвы, которую держали из последних сил защитники столицы, посылает подмогу. С призывом: «Вперед за Родину! Вперед за Сталина, за Ле-

нина!» – враг был повержен советскими войсками. Этот призыв оказался и первым, и последним в военных стихах А.Т.

В поэме «Василий Тёркин» А.Т. усекает этот привычный лозунг военных лет на половину. В главе «В наступлении» лейтенант ведет бойцов в атаку со словами: «Взвод! За Родину! Вперед». Это тот лейтенант, который в ответ на пронесшийся слух, что он ранен, успевает призвать: «Вперед, ребята! Я не ранен, я убит». (Эти его слова позднее сценаристы фильма «Летят журавли» позаимствуют из «Тёркина» для своего героя).

Мне кажется, что у А.Т. при написании поэмы не было установки обойтись в ней без вождя. Отношение к Сталину вроде бы не менялось. Помню, как он говорил о своем большом впечатлении о его речи 3 июля с обращением к «братьям и сестрам». Думаю, что в ходе работы над поэмой Сталин оказался ему просто не нужен в отображении народного подвига. Переживший страшное отступление первых месяцев войны на Юго-Западном фронте, поэт не почувствовал активного участия в этих драматических событиях Верховного главнокомандующего. Главным, решающим в развитии военных действий все яснее виделся русский труженик-солдат, который и рассчитывает на самого себя: «Грянул год, пришел черед //Нынче мы в ответе //За Россию, за народ//И за все на свете». Симптоматично, что ни в дневнике военных лет, ни в письмах с фронта ни разу не мелькнуло имя вождя.

На фоне советской печати, где без упоминания Сталина редко обходились любые публикации, кроме сводок Информбюро, поэма А.Т. должна была выглядеть несколько обособленно. Газета Западного фронта «Красноармейская правда», где печатался «Тёркин», не отличалась от других фронтовых и центральных газет. И «Тёркин», как правило, печатался под общим для очередного номера заголовком: «Мы победим потому, что с нами Сталин», «Под водительством Сталина – вперед к Победе» и т.д. И, разумеется, умолчание в поэме А.Т. о роли Сталина и партии не могли не заметить в Главном Политическом управлении Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Усматривая в этом признак аполитизма и безыдейности, Глав-ПУРККА всячески затрудняло и даже приостанавливало продвижение поэмы к читателям-фронтовикам.

Правление СП отказывалось выдвигать поэму «Василий Тёркин» на Сталинскую премию. Мы с сестрой уже рассказывали в примечании к военным дневникам А.Т. записанное со слов А. Фадеева семейное предание о том, как А.Т. эту премию в 1946 году получил. Не обнаружив автора «Василия Тёркина» в списках представленных на Сталинскую премию за 1944–1945 годы, И. Сталин высказал удивление. Ему поспешили объяснить, что автор поэмы еще не закончил (главы «Тёркина» продолжали печататься). «Не думаю, чтобы он ее слишком испортил при окончании», – якобы сказал Генералиссимус и своим красным карандашом вписал А.Т. в список представленных к премии I степени. Снова вмешательство вождя повлияло на судьбу автора и его книги.

Поэт не забывает о причастности Сталина к изменениям в его жизни. А вот в свою поэзию его почему-то А.Т. так и не впустил. Не получилось представить его в «Стране Муравии», нет его и в стихах о колхозной Смоленщине. Неудавшейся считал поэт «Балладу о Москве», где Сталин был задействован. В послевоенных стихах, даже таких, как «Кремль зимней ночью», «Москва», «Песнь о Москве», где, казалось бы, присутствие вождя было закономерным, и уж хотя бы упоминание о нем обязательным, имени Сталина нет.

Оно появляется в цикле из 4-х стихотворений, приуроченном к семидесятилетию вождя. В стихотворном потоке, хлынувшем в печать по этому случаю, стихи А.Т. по-своему выделяются. В противоположность прославляемому у Верховного правителя величию,

гениальности, железной воли, всевидящему оку, А.Т. несколько «заземляет» его образ, подчеркивая в нем простоту, единение с народом, над которым он не возвышается: «он один из нас». Особо отмечается умение Сталина выразить мысли и чувства простых людей, готовность служить их интересам: «он и живет для нас на этом свете». В этом поэт и видит назначение подлинного вождя.

По сути, А.Т. рисует в Сталине свой идеал стоящего у власти руководителя, по-своему отражая и мифические представления о Сталине, бытующие в народе. Но в созданном им портрете слышится и призыв быть таким, каким хочет видеть вождя народ. А.Т. здесь по-своему продолжает традицию в классической русской поэзии: наделяя царствующих персон преувеличенными или приписанными им достоинствами, поэты как бы призывали этим достоинствам соответствовать. Такой призыв слышится в посвященной Г. Державиным Екатерине II оде «К Фелице». Он явственно обозначен в стансах А. Пушкина по поводу восшествия на престол Николая I («В надежде славы и добра//Смотрю вперед я без боязни...»). Есть он и в стихах Ф. Тютчева, посвященных Александру II, о котором у поэта написаны и весьма острые эпиграммы.

Этот цикл из четырех маленьких стихов (1951–1952 годов) был первым и последним у А.Т. произведением о Сталине, опубликованном при жизни вождя.

Рано утром 5 марта 1953 года отец разбудил меня словами: «Сталин умер». На глазах его были слезы. Я поняла, что ему позвонили из газеты и, сообщив эти известие, попросили стихи. Собираясь в университет, я слышала, как он диктовал по телефону, на ходу исправляя отдельные строки, эти два четверостишия, появившиеся в День 5 марта оставались в памяти А.Т. как некий рубеж в жизни страны и его личной.

В том же 1953 году «Правде» 6 марта К. Симонов, стихи которого, как и М. Исаковского, были опубликованы рядом, скажет потом, что у А.Т. они оказались самые искренние и талантливые.

В том же 1953 году, по следам смерти вождя, А.Т. пишет два стихотворения о нераздельности имен Ленина и Сталина и продолжении дела их жизни, как он, поэт, его понимает. Эти стихи, как и названный цикл к 70-летию Сталина, А.Т. никогда не перепечатывал после XX съезда КПСС и речи Н.С. Хрущёва. За их вычетом поэзия А.Т. осталась не затронутой «культом личности». А.Т. не надо было прибегать к изъятиям из своих стихов и поэм 1930–1950-х годов имени вождя и славословий ему: все они продолжали перепечатываться в неизменном виде.

Его изменения во взглядах на Сталина и сталинскую эпоху, сказавшиеся в эту постсталинскую – «новую эру» – и в поэзии А.Т., и в журнале «Новый мир», который он редактировал с 1958 года – особая тема, уже не вмещающаяся в данный ответ.

О.Е. *Не скрою, что Твардовский послесталинской эпохи в смысле его отношения к вождю много симпатичнее. Как, впрочем, и другие русские поэты, упоминаемые вами, без их царистских стихов. На солнце нашей поэзии есть эти темные области. Конечно, не только русские поэты таковы. Вспомним хотя бы Вергилия, посвятившего «Энеиду» Цезарю... Но то чужая история и слишком далекая, а наша близка и – болит.*

Валентина Александровна, хотелось бы все-таки услышать ваш ответ о, так сказать, рукопожатости...

В.Т. На вопрос о рукопожатии ответить могу только отчасти. У нас с сестрой Ольгой было правило: ничего не заявлять от имени отца, не защищать свое мнение ссылкой на него. Мы могли высказывать только собственное суждение о его взглядах и позиции с оговорками на его оправданную пристрастность. А.Т. был человек доброжелательный,

лишенный злопамятства. Об этом свидетельствует хотя бы его отношение к смоленским собратям по перу, едва не погубившим его своими клеветническими показаниями в 1937 году. Ему приписывали критику Ленина и Сталина! Если учесть, что свидетельствующий об этом занимал серьезные посты в организации писателей, а А.Т. значился по анкете сыном кулака и обличался как «кулацкий подголосок» за «кулацкие стишки», то положение отца оказалось угрожающим. Дело было заведено, ордер на арест выписан. Но он уже перебрался в Москву на учебу, спасла его «Страна Муравия». А в дальнейшем А.Т. вполне лояльно общался с тем поэтом, который едва не сломал ему жизнь. Он даже пару раз печатал его в НМ, ничем не напомним о былом. Мне думается, что А.Т., по своей натуре, мог бы простить Солженицыну, например, свою характеристику как «ленивого вельможи», не любившего помогать людям. Мне легко представить себе, как отец, познакомившись с ней в «Телёнке...», усмехнулся бы, отправляясь в редакцию – к очередной страде, или к своему столу, где его ждали рукописи и куча писем. А поработав, отправился бы, как обычно в сад, к любимому отдыху – копать, сажать, пересаживать, жечь мусор, забыв о Солженицыне в этой своей «вельможности и лени». Полагаю, что ничуть не расстроило бы А.Т. и обвинение Александра Исаевича в том, что он не любил помогать людям. Отец не любил об этом рассказывать, а помогал охотно. К нему многие обращались за помощью, поскольку по его стихам чувствовали, что он в ей не откажет. А.Т. по собственному опыту знал, как в трудный час нужен «человек – не чин загробный// Человек, тебе подобный // Вот кто нужен, кто бы спас». И он множеству людей помог в преодолении житейских бед и творческих неудач, в борьбе с болезнями, в получении образования, в обретении жилья и прописки, в укреплении веры в себя, в свои возможности. Я знаю несколько случаев, когда он добивался освобождения из заключения. Следы этой, самого разного рода, помощи и поддержки остались в благодарных письмах современников, в их воспоминаниях. Неправда Солженицына так мало значила на фоне этой волны признательности!

Уверена я твердо лишь в том, что А.Т. не простил бы Солженицыну ложь, возведенную на новомирцев. Он был бы оскорблен за своих соратников и друзей, вместе с ним упорно тащивших тяжелейший журнальный воз по крутому, обрывистому склону, рискуя сорваться (образ редакции НМ в дневниковой записи А.Т.). Не смог бы простить (иначе я думать не могу) оскорбления, нанесенного Солженицыным и самому НМ, памяти о нем. По словам Александра Исаевича, НМ «жил на коленях и умер на коленях». Таким он, видимо, напечатал и «Ивана Денисовича». Наследие, оставленное НМ и перешедшее тем, «кто из иного поколенья», противостоит этой лжи. Коленопреклоненный журнал такого богатства не оставит, такого прорыва – в литературе и жизни не сделает.

Несколько фраз Солженицына, мимоходом брошенных (после возвращения на родину), о том, что он не всегда справедливо судил о НМ и его редакторе, я покаянием не считаю.

О.Е. Честно сказать, сильно удивляет незлобивость и отходчивость Твардовского. Не всякий редактор, поэт смог бы печатать того, кто чуть не свернул тебе шею, да и не только тебе, но и твоей семье, известно, как работала эта сатанинская машина, даже вопреки сказанному вождем о том, что сын за отца не в ответе. Об отношении Твардовского к людям ярко свидетельствует хотя бы его обширная переписка. Столь подробно, уважительно и вдумчиво отвечать на самые разнообразные письма – для этого надо и время, и, главное – умение, умение быть, перефразируя приведенные уже вами строки, человеком, а не чином. Скажите, а вас и младшую сестру Ольгу Твардовский баловал? Помогал, например, писать сочинения для школы или института?

В.Т. Я не знаю, что такое «баловать». Может быть, потому что меня не баловали? Ко мне – старшей дочке – отец был достаточно строг, хотя его доброта я всегда чувствовала, даже когда был недоволен мной. Он не терпел вранья. Запомнила на всю жизнь случай, имевший серьезные последствия.

Я сдавала школьные экзамены, и мы оставались в Москве с отцом одни: мама с Олей были на даче. Как-то я пришла домой намного позднее, чем договаривались, и что-то придумала в оправдание, на самом деле была с подругами в кино. Никогда не забуду выражения его лица: оно было не столько гневным, сколько брезгливым. «Ты врешь», – сказал он мне с явным отвращением. Наутро я подошла к нему и, всхлипывая, попросила прощения, признавшись в своем проступке. Он молча обнял меня.

У нас с ним случались откровенные беседы, в частности, о моем будущем, об учебе, профессии, работе. Влияние отца на все это было очень ощутимо. Сочинения писать не помогал, а учил, как надо писать. Правда, я так и не овладела этим искусством по его методу.

С сестрой Ольгой у нас девять лет разницы в возрасте. Она родилась за пять месяцев до войны. Во время войны в эвакуации я нянчила ее, пока мама занималась хозяйственными делами: добывала дрова, стояла в очереди за керосином, топила печь, готовила, стирала: быт был трудный. А я с Олей гуляла, кормила ее, меняла ей пеленки и прочно к ней привязалась еще в те годы. Мы с сестрой были по-настоящему близки. Когда кто-то из нас уезжал, мы переписывались. У меня сохранились эти ее письма. Ее сообщения о делах домашних – настоящая семейная хроника 50–60-х годов, где особенно много об отце. Я ее и называла «семейным хроникером».

К Оле отец относился особенно нежно. Этому способствовали и особые обстоятельства, не только она сама – человек тонкой, чистой души. В 1938 году родители потеряли сына – полуторагодовалого Сашеньку. Забыть его А.Т. так и не смог. Они с мамой очень хотели восполнить эту потерю. Думаю, если бы не война, детей в нашей семье было бы больше. Оля – ребенок военных лет, и отца на его фронтовой службе очень тревожило и волновало, как она растет. В детстве Оленька много болела: ревмокардит и сопутствующие заболевания заставляли часто пропускать школу. Помню боль и страх родителей, когда она заболела тяжелой формой скарлатины. Естественно, что младшая дочка требовала особого внимания, вызывала обостренное чувство родительской любви. Я это понимала, но никогда не ощущала себя обделенной – отцовской любви с избытком хватало и на меня: до сих пор чувствую себя словно укутанной его теплом... Кроме того, у нас с ним установилась особая близость единомышленников: я все больше понимала значимость его деятельности – литературной и общественной. А он ценил свой «тыл». Не говорю о маме: за сорок лет совместной жизни она просто стала частью его самого. Но я знала, что и дочерьми он по-своему дорожил. В одном из писем ко мне (со своего самого последнего отдыха в Абхазии в конце 1969 года) он сказал об этом важные слова. Признался, что пережить все тяжелое и трудное за последнее время помогало и то, что дети у него получились хорошие. Если бы не это, добавлял он, «было бы совсем худо». Я это письмо читала Оле и напоминала о нем, когда нам приходилось нелегко.

О.Е. *Валентина Александровна, хотелось бы еще прояснить одно трагическое обстоятельство. Речь о так называемом якобы отречении Твардовского от родителей и братьев, сестер, всей семьи, раскулаченной и сосланной на Урал. Что вообще это значит? Откуда взялось это свидетельство? Кто присутствовал при этом «отречении»? И было ли оно вообще?*

В.Т. Олег Николаевич, ответить на ваш вопрос в жанре интервью особенно трудно, не получается «кратко, но подробно». Вы едва ли не первый (кроме меня, разумеется), заметили, что нигде в смоленских документах нет и следа отказа А.Т. от высланной его семьи. Ритуальные отречения родных, требовавшиеся при аресте «врагов народа», здесь были не нужны: раскулачивали не за вражескую деятельность, а по классовому признаку. От родителей-кулаков отказаться было невозможно – это значило бы отказаться от своего классового происхождения, которое всегда было на учете. И все годы пребывания в Смоленске «отказавшийся» поэт числился сыном кулака, а «кулацкие корни» прямо связывались с его творчеством. Говоря о «кулацких тенденциях» в стихах А.Т. в печати и при обсуждении на собраниях, смоленские писатели всегда упоминали о его кулацкой семье, но никогда об «отказе» от нее. «Всю мою юность мне было привычно, хотя и горько, носить на себе печать этого несчастья, считаться сыном кулака» – писал А.Т. Н. Хрущёву в 1954 году, прося о пересмотре дела родителей.

О пресловутом «отказе» поэта от родных заговорили только со слов его брата Ивана Трифоновича. Именно он в своих воспоминаниях выдвинул против брата это обвинение, когда ни А.Т., ни его жены Марии Илларионовны уже не было в живых. В сохранившихся письмах Ивана к брату Александру, кроме просьб о всякого рода помощи и благодарности за нее, нет ни единого упрека в «отказе» от родных. Не мог не понимать Иван Трифонович, что у всех родственников была бы совсем другая жизнь, если бы не Александр, ставший знаменитым поэтом. Это он устроил им возвращение из ссылки в родные места, где обеспечил благополучное существование и решал все их мелкие и крупные проблемы. Стоит упомянуть, что именно он вывез их и с оккупированной территории во время войны и выхлопотал жилье. А.Т. Ивану и дом построить помог. Здесь я не буду характеризовать этого младшего брата А.Т. Он отчетливо вырисовывается в дневнике А.Т. 1930-х годов, как человек много лгущий, «испорченный». Скажу только, что Иван всю жизнь считал, что брату Александру всегда везло, в отличие от него, несправедливо обиженного судьбой.

Новомирцы и авторы НМ слишком хорошо знали А.Т., чтобы поверить в его «предательство». Да ведь и душа А.Т., с ее благородством, добротой, совестью ясно и полно отражается в его поэзии, в противовес дурным наветам. Новомирцы пытались убедить Ивана Трифоновича в его неправоте. В. Лакшин и Ю. Буртин опровергали его версию в печати. Иван Трифонович потерял тогда в друзьях А.Т. своих возможных друзей. Его перестали приглашать на ежегодные собрания в память «Нового мира», как это делали первые года два после смерти А.Т., прервали общение с ним. Но в период всеобщих разоблачений в «перестройку» брат А.Т. пользовался успехом, пропагандируя свои воспоминания, особенно в Смоленске, где он после смерти А.Т. обосновался. Тут ему даже «оды» писали в награду за «правду» и хотели сделать «знаменем правды» местной писательской организации. У нас с сестрой Ольгой, когда мы читали эти материалы, было ощущение, что многие писатели-земляки как будто ждали возможности занизить образ поэта, слишком высокий и потому раздражавший.

Как мне писал В. Рыжов, едва ли не единственный в Смоленске восставший против клеветы на А.Т., Иван Трифонович отказался читать опровержение своих воспоминаний, сказав, что ему уже это неинтересно. Думаю, что вряд ли он смог бы толково объяснить, что подразумевает под «отказом» брата от семьи. Может быть, Александр должен был ехать с родителями в ссылку? А может быть, Ивану Трифоновичу был изве-

стен способ, которым А.Т. (исключенный за год до высылки из Смоленской ассоциации писателей) мог бы их спасти?

О.Е. Зная другие подобные истории, можно с уверенностью ответить, что нет. И вообще от молоха коллективизации и раскулачивания спасения не было, точнее, спасение было такое: бегство или распродажа имущества. Хотя и это не всегда спасало. Моего прапрадеда спасло: он распродал все, а взрослых внуков отправил на Донбасс. Семью не раскулачивали. Но все-таки ее считали кулацкой. Сейчас я специально занимаюсь этой темой и могу представить положение вашего отца. Коротко говоря, оно было ужасно.

В.Т. Александр Трифонович уехал в Смоленск из Загорья в январе 1928 года. На хуторе в глухом углу Смоленщины у него не было возможности учиться и заняться литературой, как он мечтал, остро ощущая свое призвание. Да и его положение в семье становилось все труднее. О его расхождении с отцом, не одобрявшим его тяги к литературе, я знала от мамы, а позднее, в студенческие годы, и от бабушки Марии Митрофановны. Трифон Гордеевич не простил сыну вступления в комсомол. Писание стихов, как и работу селькора, он считал блажью. Особенно возмущался деятельностью в комсомольской ячейке, которой пытался препятствовать. То, что другие члены семьи привычно терпели от крутого отца, сын Александр, с его обостренным чувством достоинства, выносить не хотел. Его уход из отцовского дома был неизбежен. По дневнику А.Т. видно, что с семьей он не порывал, писал письма, навещал, хотя и редко, умудряясь, привозить гостинцы при своих скудных заработках и старался быть в курсе семейных дел. Когда в марте 1931 года узнал о высылке родных, то забыв все разногласия и ссоры с отцом, бросился в Смоленский обком хлопотать за него. Секретарь обкома И.П. Румянцев относился к поэту весьма благожелательно. Как рассказывал отец мне в ответ на мои расспросы, Румянцев внимательно, с пониманием выслушал его доводы о несправедливости высылки, не опровергая характеристики хозяйства Трифона Гордеевича как середняцкого. Он даже признал, что при «сплошной ликвидации кулачества как класса» ошибки неизбежны. Но расследовать каждую жалобу на несправедливость, значило бы, по его словам, тормозить сам ход революционных преобразований в деревне, что и нужно врагам. Партийный секретарь поставил перед А.Т. вопрос ребром: что для него главнее – родители или революция. Он призвал его сделать выбор: цепляться за «папу с мамой» или идти вперед вместе с теми, кто строит новое, социалистическое общество. Что мог на это ответить ему комсомолец и поэт А.Т.? Он был за Революцию и социализм, но и его недавнее хуторское детство и юность, прожитые с родителями, были ему по-своему дороги.

О.Е. Кстати, и самого Румянцева позднее революционное жерло сталинских репрессий затянуло, он был арестован и расстрелян по абсурдному, как водится, обвинению в контрреволюционной деятельности. Арестовали в том же тридцать седьмом году и его дочь, тоже, разумеется, за ту же «деятельность». Правда, проявили гуманность, и дали только пять лет.

В.Т. Мама рассказывала мне, что помочь А.Т. старался А.Н. Локтев – член смоленского Облисполкома. Он по-своему опекал А.Т., сделал его ответственным секретарем журнала «Западная область», главным редактором которого был. Искренне сочувствуя беде Александра, он попытался разобраться в классификации хозяйства Твардовских. Локтев и объяснил А.Т. всю невозможность ее пересмотра в ходе «сплошной коллективизации». Внешние признаки кулачества у этой хуторской усадьбы оказались налицо: хороший, добротный дом, купленный Трифоном Гордеевичем (уже после отъезда Александра). Достался он семье дешево от хозяина, в спешке покидавшего деревню в

предчувствии опасных перемен. Но никто из местных властей и слушать бы не стал эти разъяснения. Участок в 12 десятин также не был типичным для середняка смоленской деревни, где преобладали наделы в 3–4 десятины. Но решавшим судьбу этой семьи вряд ли бы показалось важным, что Трифон Гордеевич своим трудом, без наемного, превратил болотистую, поросшую кустарником пустошь в плодоносящую и по виду похожую на «кулацкую» усадьбу. Свою роль сыграли свидетельства окрестных колхозников, не симпатизировавших «пану» Твардовскому. Заносчивый и гордый в общении с ними, он и внешним обликом подчеркивал свое особое положение в деревне. Ходил в шляпе, никогда его не видели босиком или в лаптях. Никто и не заступился за него. Большевик Локтев, которого А.Т. уважал и любил, да и московский друг – критик А.К. Тарасенков доказывали, что изменения приговора родителям он не добьется. И А.Т. отказался от дальнейших попыток. Казалось, совесть его должна была быть спокойна – он сделать ничего не мог, хотя и пытался. Но это бессилие, заставившее отказаться от борьбы за справедливость, беспомощность перед явной несправедливостью отравляли жизнь А.Т. долгие годы. Страдал он и от того, что оставаясь свободным, остро переживал положение родных в неволе, оторванных от малой родины. Пока он не обеспечил возвращение и устройство сосланных в родном краю, их участь мучила его неотступно. В детстве я улавливала это из разговоров родителей, когда все уже были на своих местах, благодаря усилиям А.Т. Он не переставал и дальше стремиться реабилитировать их, незаслуженно пострадавших. Сам он значился в печати с конца 1930-х годов сыном кузнеца, как и определил в автобиографии.

В 1954 году проверка в смоленских архивах, проведенная по указанию секретаря Смоленского обкома П.И. Доронина (по просьбе А.Т.), установила, что «хозяйство Твардовского Т.Г. было крепким середняцким хозяйством. Постоянная наемная сила в нем не применялась». Однако время для реабилитации семьи А.Т. выбрал неподходящее: в мае 1954 года запрещена была его поэма «Тёркин на том свете». Журнал «Новый мир» подвергся разгромной критике, и в июне А.Т. был снят с поста главного редактора. Запись в учетной карточке члена КПСС о его социальном происхождении осталась прежней. Она продолжала использоваться (хотя и безуспешно) как средство давления на поэта и редактора. Только с 1963 года социальное происхождение А.Т. стало определяться как крестьянское.

О.Е. *Валентина Александровна, в этот год столетия со дня рождения Твардовского, как вы могли бы охарактеризовать этот немалый срок его жизни во плоти и в стихах? Вот у Маркеса был роман «Сто лет одиночества». А сто десять лет Твардовского?..*

В.Т. Вопрос оказался не совсем понятным. 110-летие А.Т. вмещает шестьдесят лет жизни поэта (1910–1971) и 50 лет после его смерти. Поскольку жизнь и творчество у всех на виду, речь, по-видимому, идет о посмертном пятидесятилетии. Оно вместило много всего: и попытки отрицания значимости наследия советской литературы, и постепенное возвращение из нее того, что оказалось нужным современникам. А.Т. и в то смутное время не переставал издаваться. По моим наблюдениям, он сейчас один из самых издаваемых советских поэтов. Его присутствие ощутимо не только в переизданиях. Вышли посмертно и новые его тексты: дневниковая проза 1950–1960-х годов, дневники 1941–1945 годов, а также значительная часть его не опубликованных ранее писем. Сейчас я готовлю к печати Дневники 1930-х гг. – работаю уже без сестры и поэтому медленно и трудно. Останется ненапечатанным лишь часть дневниковых записей 1940-х годов, т.к. военные дневники, как и письма войны, опубликованы. Редко

у какого писателя, наряду с переизданиями, появлялось бы после смерти так много новых текстов. Но А.Т. более 40 лет вел дневники, а его переписка с писателями и читателями могла бы заполнить несколько томов.

Из последних изданий назову (вышедшие до эпидемии, в 2020 году) дополнительный (вместо разошедшегося) том поэм и стихотворений А.Т. в серии «Всемирная литература», а также книгу «Поэмы и стихи» А.Т., выпущенную издательством ЭКСМО (тираж 4 тыс. экз.). Чаще всего переиздается поэма «Василий Тёркин». Она многое заслонила для читателя в остальном наследии поэта, которое для большинства остается малодоступным и малознакомым. Еще сам автор называл «полупрочитанной» поэму «Дом у дороги». А я знаю любителей поэзии, которые ее оценивают выше «Тёркина». Жаль, что малоизвестна и потому в должной мере не оценена поздняя лирика поэта, в частности, его пейзажная лирика. Близкая классической русской поэзии, она выражает отношение к природе человека XX–XXI веков. В нашей стране, считавшейся в советскую эпоху самой читающей, ныне читают мало. Судя по тому, что пишут и издают, это равнодушие к чтению установилось надолго. Но, думается, подъем литературы, связанный с общим духовным подъемом, впереди, и все неизбежно изменится.

О.Е. *«Дом у дороги» и мне по сердцу. А «Тёркин» немислим уже без «Тёркина на том свете». Но любимая поэма – «Страна Муравия» с ее вековой крестьянской мечтой о радости свободно жить и работать на земле. Из лирики «Чуть зацветет иван-чай» самое любимое. Позвольте в завершение узнать, а что вам ближе всего из творчества отца?*

В.Т. Вы меня порадовали, дорогой Олег Николаевич, своим отношением к «Стране Муравии». Судьба этой поэмы по-своему сложная. При появлении была определена как «кулацкая» смоленскими собратьями по перу, чуть не погубившими ее вместе с автором. А в послесталинскую эпоху воспринималась с устойчивой предвзятостью как произведение о коллективизации, напечатанное и награжденное при Сталине и уже поэтому недостойное серьезного внимания. В одной из статей к 110-летию А.Т. и говорится о «Муравии», как прославляющей коллективизацию. А ведь она не о коллективизации, а о крестьянине в период этой «революции сверху». А.Т. отразил его тревогу и страх перед «словом под корень, под чистую» традиционного уклада деревенской жизни. Поэт совсем не по-марксистски характеризует своего героя: не как цепляющегося за собственность, «представителя мелкой буржуазии», а человека, любящего землю, на которой он трудится и дорожит связью с нею, как и с природой, которую тонко и чутко воспринимает. Моргунок боится потерять этот свой привычный мир, в котором ему все близко и дорого. Уж не говорю, как полно и достоверно и вместе с тем поэтично предстает в поэме деревенский быт на рубеже 1920–1930-х годов – вопреки отмеченным К. Марксом «признакам идиотизма сельской жизни». Вижу, что у меня уже получается почти ответ на непоставленный вами вопрос. Увлеклась, так как люблю «Муравию», по сути непрочитанную, а потому недооцененную и незаслуженно забытую.

А вот на ваш вопрос как раз ответить также трудно, как определить, кого из детей, внуков и правнуков больше любишь. Я и в том, и в другом случае затрудняюсь. В нынешнее время, пожалуй, люблю особенно позднюю лирику А.Т. В ней глубокие размышления о жизни и смерти, часто основанные на простом обыденном, казалось бы, факте («В живых меня как бы и нету...», «Как одиноко этим соснам в парке...», «Чернил давнишних блеклый цвет...»). Можно перечислять и дальше, и все равно останутся другие любимые стихи... И сам поэт (он сейчас уже прапрадед в нашей большой разветвленной семье) остается с нами, делая нашу жизнь содержательнее, разумнее и теплее.